

КИРГИЗЫ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ.

I.

Съ подчиненіемъ киргизовъ русской власти, не сопровождавшимся для нихъ ни малѣйшимъ стѣсненіемъ въ образѣ жизни, эти кочевники естественно должны были войти въ мирныя сношенія съ покорившимъ ихъ народомъ. Та ихъ сношенія оказались для нихъ не безвыгодными, а это, безъ сомнѣнія, послужило скорѣйшему ихъ примиренію съ новымъ положеніемъ.

Въ исторіи едва-ли встрѣчаются примѣры подобнаго выгоднаго положенія, которое было бы предоставлено покоренному народу. Хотя верховное право на землю въ киргизскихъ кочевьяхъ принадлежитъ Государству, но земли, которыя были заняты стойбищами киргизовъ, предоставлены въ непосредственное ихъ пользованіе, смотря по количеству скота и размѣрамъ хозяйства, съ дозволеніемъ уступать свои участки или ихъ части въ пользованіе русскихъ поселенцевъ по добровольному соглашенію. Тимъ правомъ киргизы охотно пользуются, отдавая въ аренду русскимъ поселенцамъ свои излишніе участки, и даже сами приглашаютъ желающихъ слиться на нихъ, находя, конечно, аренду для себя выгодною. Помимо арендной платы, близкое сосѣдство русскихъ поселенцевъ представляетъ для нихъ значительныя выгоды, заключающіяся въ обмѣнѣ продуктовъ ихъ скотоводства на необходимыя имъ предметы. Можно сказать, что киргизы поставлены какъ бы въ привилегированное положеніе по отношенію къ русскимъ поселенцамъ.

Сближеніе съ русскимъ населеніемъ и дѣйствія администраціи, направленной къ преслѣдованію вредныхъ сторонъ киргизскихъ нравовъ, какъ конобродство и барыгство (уговъ скота и лошадей), не могли не повліять на развитіе между ними гражданственности и на измѣненія ихъ быта, приближающія ихъ къ условіямъ жизни, свойственнымъ осѣдлому населенію. Эти измѣненія сдѣлались замѣтными особенно въ последнее десятилѣтіе и, безъ сомнѣнія, представляютъ явленіе, которое не можетъ быть не отмѣчено въ исторіи развитія этого кочевого народа.

Киргизы, какъ извѣстно, ведутъ кочевую жизнь, занимаясь преимущественно ското-

водствомъ, которое составляетъ единственный источникъ ихъ существованія. Богатство и довольство киргиза зависитъ отъ количества принадлежащаго ему скота. Самый же надзоръ за стадами не требуетъ усиленнаго труда и большихъ хозяйственныхъ заботъ, которыя заключаются, главнымъ образомъ, въ выборъ мѣстъ, смотря по времени года, для пастбищъ, такъ какъ скотъ продовольствуется подножнымъ кормомъ круглый годъ. Такой образъ жизни пріучилъ киргизовъ къ бездѣйствію и лѣни, свойственнымъ кочевникамъ. Только страсть къ увеличенію своего стада, какъ источника благосостоянія, пробуждала въ киргизѣ энергію, выражавшуюся въ угонѣ чужаго скота и конокрадствѣ. Этотъ главный порокъ киргизовъ, нанося существенный ущербъ и разореніе русскимъ поселенцамъ, трудно поддавался, по мѣстнымъ условіямъ, преслѣдованію и оставался, въ большинствѣ случаевъ, безнаказаннымъ. Но въ послѣдніе годы какъ барымта, такъ и конокрадство, стали уменьшаться. Барымта строго наказывается русскими законами, и теперь случается весьма рѣдко; конокрадство съ 1883 года подверглось особому преслѣдованію. Для прекращенія этого зла, подрывающаго въ самомъ корнѣ хозяйства казаковъ и крестьянъ, приняты особыя энергическія мѣры, заключающіяся въ производствѣ немедленнаго взысканія за украденныхъ лошадей съ общества тѣхъ ауловъ, къ которымъ подойдетъ слѣдъ похищенныхъ лошадей и не будетъ отведенъ въ другое мѣсто; причемъ, въ случаѣ несостоятельности аула взысканіе должно падать на цѣлую волость. Этою мѣрою конокрадство, сдѣлавшись промысломъ невыгоднымъ, замѣтно прекратилось.

✕ Заботы мѣстной администраціи, предпринятія въ послѣднее время, по развитію земледѣлія между киргизами, для чего ассигновано по 1.000 рублей на каждый уѣздъ съ цѣлью пріобрѣтенія желѣзныхъ плуговъ и другихъ земледѣльческихъ орудій, до сихъ поръ дали и значительные результаты. Хотя во многихъ мѣстностяхъ области киргизы заявили желаніе заниматься земледѣліемъ и для изученія этого труда приглашаютъ на свои земли крестьянскихъ поселенцевъ, но въ большинствѣ случаевъ, этимъ прикрывается у нихъ соб-

ственно желаніе отдачи въ аренду излишнихъ земель. Состоятельные киргизы, имѣющіе отъ ста до нѣсколькихъ тысячъ лошадей, тысячи и десятки тысячъ барановъ, естественно предпочитаютъ скотоводство, отъ котораго они получаютъ такія значительныя выгоды, какихъ не можетъ дать имъ земледѣліе, въ особенности на первыхъ порахъ. Только между бѣдными киргизами, для которыхъ земледѣліе дѣйствительно можетъ служить источникомъ довольства, оно начинаетъ прививаться.

КИРГИЗЫ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ *).

II.

Болѣе успѣха замѣчается у киргизовъ въ улучшеніи устройства зимнихъ жилищъ и помѣщеній для скота. Киргизы большую часть года проводятъ въ войлочныхъ юртахъ, и только на зиму переселяются на зимовки, гдѣ богатые имѣютъ деревянные или кирпичные дома, построенные на манеръ русскихъ; остальные живутъ въ землянкахъ. На зимовкахъ устраиваютъ для скота особыя крытыя помѣщенія, огороженные плетнемъ, обмазаннымъ глиною; въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ ограду дѣлаютъ изъ дикаго камня, или же просто изъ земляныхъ пластовъ. Замѣчается также нѣкоторое улучшеніе въ отношеніи опрятности киргизовъ. Ихъ зимовки содержатся по возможности въ чистотѣ, къ чему принуждаютъ ихъ религіозные обряды ежедневнаго пятикратнаго моленія и омовенія. Бань у нихъ нѣтъ, но они моются въ зимовкахъ, гдѣ бываетъ необыкновенно тепло. Въ землянкахъ нынѣ стали устраивать печи изъ обыкновеннаго кирпича съ трубою; въ другихъ же также изъ кирпича выводится родъ камина (чувалъ), отопливаемый бизякомъ. На верху такой землянки съ чуваломъ дѣлается отверстіе для дыма, закладываемое кошмой. Въ оконныхъ рамахъ вставляется брюшнина, или стекло; по стѣнамъ землянки устраиваются нары для спанья. Кухни (чучала) для варки пищи строятся отдѣльно отъ землянокъ. Въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ, въ зимовкахъ большею частію возведены деревянные дома со всѣми приспособленіями, и видъ такой зимовки мало чѣмъ отличается отъ русскаго селенія средней зажиточности. Обширныя помѣщенія для скота киргизы устраиваютъ съ большимъ стараніемъ, дабы укрыть свои стада отъ непогоды и бурасвъ.

Въ прежнее время киргизы вообще мало заготовляли корма для скота. Ихъ табуны обыкновенно и зимою пасутся на степи, разгребая копытами снѣгъ и питаясь травою, которая подъ снѣгомъ сохраняетъ свою свѣжесть и сочность. Но бывають годы, когда послѣ обильныхъ осеннихъ дождей быстро наступаютъ морозы и земля покрывается толстою ледяною корою, которую не въ силахъ пробить своими копытами даже лошади. Въ такіе годы гололеда опустошаетъ степь сильными паде-

жами скота, какъ, напримѣръ, въ зиму 1879 и 1880 годовъ, когда въ одномъ Акмолинскомъ уѣздѣ отъ безкормицы, вслѣдствіе гололедицы, пала почти половина всего числа лошадей и болѣе четвертой части рогатаго скота и барановъ, что, по приблизительному исчисленію, составляетъ убытокъ болѣе 2-хъ милл. руб. по одному уѣзду. Этотъ горькій опытъ заставилъ киргизовъ обратить вниманіе на заготовленіе запасовъ сѣна на зиму, которые, однако, расходуются ими лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда скотъ самъ не можетъ добыть себѣ корма.

Замѣчается также улучшеніе въ отношеніи народнаго здравія. Киргизы больше всего страдаютъ кожными болѣзнями и оспой. Предохранительною мѣрой отъ послѣдней является и оспиваніе больныхъ и оспопрививаніе. Последнее еще мало распространено между киргизами, но не вслѣдствіе недовѣрія, которое они прежде къ нему питали, а по отсутствію врачебной организаціи въ степи.

Въ пищѣ и одеждѣ киргизы мало разборчивы, хотя между молодыми джигитами встрѣчаются щеголи въ красивыхъ шелковыхъ бешметахъ, съ дорогою насѣчкою на оружіи и сѣдлѣ. Лѣтомъ киргизы питаются кумысомъ и мясомъ—бараниною и кониною, хлѣба почти не употребляютъ; зимою же молочными скопами, приготовляемыми въ разныхъ видахъ (куртъ, ремшикъ), похлебкою изъ ржаной муки (ба-ламыкъ), мясомъ лошадей и барановъ, которое готовится въ разныхъ видахъ. Въ богатыхъ семьяхъ готовятъ особый видъ прѣснаго пшеничнаго, или крупчатого хлѣба, поджареннаго въ салѣ (баурсакъ), и жареный въ маслѣ творогъ (воспа). Въ послѣднее время входитъ въ употребленіе и печеный хлѣбъ, который, за неимѣніемъ дрожжей, пекутъ въ горячей золѣ прѣснымъ.

III.

Въ религіозномъ отношеніи, киргизовъ нельзя назвать истинными магометанами. При кочевомъ образѣ жизни и безграмотности, они преимущественно сосредоточиваютъ свои религіозныя понятія на слѣпомъ соблюденіи обрядовъ; но въ послѣдніе годы и въ этомъ отношеніи киргизы измѣнились. Со времени покоренія Туркестана, въ степи начали появляться мусуль-

манскіе имамы и дервиши изъ Бухары и Туркестана, проповѣдая невѣжественныхъ кочевниковъ въ догматахъ магометанскаго закона и обучая дѣтей татарской и арабской грамотѣ. Но такъ какъ эти проповѣдники заявили себя весьма корыстными, то не могли имѣть на кочевниковъ значительнаго вліянія, и вскорѣ почти совсѣмъ исчезли изъ области. Нынѣ киргизы не доврѣяютъ и мулламъ изъ татаръ, а стараются имѣть таковыхъ изъ своего народа, знающихъ татарскую и арабскую грамоту. При такомъ духовномъ настроеніи киргизовъ, на нихъ мало вліяютъ появляющіеся пропагандисты религіозныхъ вѣроученій. Доказательствомъ тому служитъ послѣдняя пропаганда выходца изъ Туркестана Аузя, привлечшаго къ себѣ сначала значительное число поклонниковъ, избравшихъ для моленія особое мѣсто въ степи и устроившихъ мечеть; но такъ какъ и этотъ проповѣдникъ больше всего обращалъ вниманіе на свои выгоды и не только принималъ отъ киргизовъ приношенія скотомъ и деньгами, но даже требовалъ ихъ, то вскорѣ народъ отвернулся и отъ него.

Менѣе всего измѣненіе коснулось положенія киргизской женщины и вообще семейнаго быта. Положеніе женщины у киргизовъ довольно тяжелое: онѣ готовятъ пищу, дѣлаютъ армячину для одежды, кошмы и арканы для юртъ, заготавливаютъ на зиму топливо; при перекочевкѣ съ одного мѣста на другое на нихъ возлагается снятіе юртъ (кибитокъ) и постановка ихъ на новыхъ мѣстахъ. Само собою разумѣется, что воспитаніе дѣтей лежитъ на ихъ же обязанности. Такимъ тяжелымъ трудомъ киргизская женщина какъ бы отработываетъ калымъ, который уплаченъ за нее при выходѣ замужъ. Киргизы большею частью имѣютъ по одной женѣ и только богатые, по мѣрѣ достатка, приобрѣтаютъ двухъ и трехъ. Старшая по времени замужества жена пользуется всѣми правами хозяйки; дѣти отъ всѣхъ женъ имѣютъ одинаковыя права наслѣдства, кромѣ младшаго сына отъ первой, или болѣе любимой жены, который обыкновенно при жизни отца надѣляется имуществомъ въ большемъ противъ другихъ размѣрѣ. За послѣднее время начинаютъ появляться у киргизовъ и духовныя завѣщанія, а также опекунскій надзоръ за имуществомъ несовершеннолѣтнихъ, по распоряженію волостныхъ управителей.

КИРГИЗЫ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ *).

IV.

Образованіе между киргизами стоитъ на низкой степени развитія, несмотря на значительное число киргизскихъ школъ. Въ степи и по городамъ при каждой мечети и почти въ каждомъ аулѣ содержатся школы; эти школы частныя и находятся внѣ всякаго надзора администраціи. Учителями въ нихъ состоятъ муллы изъ татаръ, или грамотные киргизы. Проучившись пять, шесть и болѣе лѣтъ, киргизскіе мальчики выходятъ оттуда съ знаніемъ татарской грамоты, умѣютъ читать коранъ, написанный по арабски; нѣкоторые же, по выходѣ изъ школы, продолжаютъ ученіе для ознакомленія съ персидскимъ языкомъ. За послѣднее 10-ти-лѣтіе грамотность стала появляться и между женщинами, но также вращается лишь въ сферѣ духовнаго обученія и притомъ только въ зажиточномъ классѣ.

Несравненно болѣе значенія въ образовательномъ отношеніи имѣютъ русскія школы для киргизскихъ дѣтей; таковы—киргизская школа въ г. Омскѣ и десять интернатовъ, по одному мужскому и по одному женскому при каждомъ изъ пяти уѣздныхъ управленій въ области. Всѣ эти школы содержатся на счетъ киргизскихъ обществъ; на ихъ же средства устроены для мужскихъ интернатовъ собственныя лѣтнія помѣщенія за городомъ, носящія названіе фермъ. Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, киргизскіе мальчики въ русскихъ школахъ обучаются ремесламъ: токарному, столярному, слесарному, кузнечному и сапожному, а дѣвочки—разнымъ рукодѣльямъ и поваренному искусству. Въ лѣтнее время мальчики переселяются на фермы, гдѣ, подъ руководствомъ опытныхъ людей, изучаютъ хлѣбопашество и огородничество. Особенно хорошо въ интернатахъ идутъ ремесла, которыми мальчики занимаются съ большою охотою и успѣхомъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ, какъ, напримѣръ, въ Петропавловской, ремесленное производство и исполненіе частныхъ заказовъ доставляютъ нѣкоторый доходъ, окупая въ тоже время всѣ матеріалы, употребляемые для обученія. Издѣлія кокчетаевскаго женскаго интерната, представленныя на тенгинскую выставку 1880

года, были удостоены награжденія большою серебряною медалью.

Интернатскія фермы еще не достигли хорошаго состоянія и не приносят пока никакого дохода. Тѣмъ не менѣе, постоянная заботливость о благосостояніи интернатовъ и безкорыстная преданность дѣлу нѣкоторыхъ ихъ содержателей несомнѣнно доведутъ до хорошаго состоянія и производство фермъ.

Въ началѣ, устройство русскихъ интернатовъ для дѣтей кочеваго населенія было встрѣчено большимъ недовѣріемъ со стороны киргизовъ, которые неохотно отдавали въ эти школы своихъ дѣтей; съ теченіемъ же времени, видя успѣшное изученіе дѣтьми русской грамоты и разговорнаго языка, что между киргизами, особенно въ торговомъ и промышленномъ классѣ, составляетъ крайнюю необходимость, кочевники отрѣшились отъ своего первоначальнаго предубѣжденія и теперь охотно помѣщаютъ дѣтей въ мужскіе интернаты; въ женскіе же поступаютъ только дѣти бѣднѣйшихъ родителей.

Можно ожидать, что пріобрѣтенныя въ этихъ школахъ ремесленныя знанія киргизы разнесутъ въ степь и тѣмъ будутъ содѣйствовать развитію и усовершенствованію ремесленныхъ производствъ среди своего народа.

Издѣльная промышленность у киргизовъ развита крайне слабо, но тѣмъ не менѣе она имѣетъ весьма важное значеніе. Нѣкоторыя издѣлія киргизовъ, какъ, на примѣръ, войлоки или кошмы и армячина, поступаютъ въ значительномъ количествѣ въ торговлю. При отсутствіи техническихъ знаній, издѣльная промышленность киргизовъ ограничивается первобытными орудіями и способами производствъ, причемъ ихъ продукты выдѣлываются медленно и своеобразно. Мѣстная администрація приняла на себя заботу поднять уровень этой промышленности посредствомъ ознакомленія съ усовершенствованнымъ производствомъ кустарныхъ издѣлій и заимствованія у русскихъ сподручныхъ пріемовъ обработки. Для этого, она признала наилучшимъ средствомъ устраивать особаго рода выставки въ мѣстахъ пребыванія уѣздныхъ начальниковъ, соединивъ ихъ съ киргизскими празднествами или байгами.

По древнему обычаю, на байгахъ, устраи-

ваемыхъ по поводу браковъ, поминокъ и другихъ торжественныхъ случаевъ, происходятъ скачки лошадей на призы, разные народныя забавы и угощеніе.

На официальныхъ байгахъ происходитъ раздача киргизамъ наградъ за заслуги, угощеніе, на которое они очень падки, и устроятся скачки на призы, развивающія въ нихъ наѣздничество и побуждающія ихъ заботиться объ уходѣ за лошадьми. Всѣ прочія увеселенія, поддерживающія грубость нравовъ и дикіе инстинкты, замѣнены новымъ для киргизовъ зрѣлищемъ, заключающимся въ выставкѣ разныхъ промышленныхъ и хозяйственныхъ произведеній. На выставкахъ въ широкихъ, разставленныхъ полукругомъ юртахъ размѣщаются разные киргизскія и однородныя съ ними русскія издѣлія, причемъ производится и самая ихъ обработка, чтобы киргизы могли наглядно убѣдиться, въ какой степени сподручны такія рабочія орудія, какъ токарный станокъ, самопрялка, швейная машина и проч., и на сколько русскіе усовершенствованные приемы обработки идутъ успѣшнѣе, нежели первобытные киргизскіе. Эти выставки не прошли безслѣдно: киргизскіе кустари или вполне приняли нѣкоторыя русскія орудія для своего производства, или же приспособили ихъ къ своему кочевому быту такъ, чтобы они разбирались по частямъ для вьючной перевозки.

Насанъ-Бай.

Разсказъ изъ жизни кочевого народа Туркестана.

Далеко за Ураломъ на востокъ, тамъ, гдѣ Мугажарскія горы сливаются съ необозримыми степями, а послѣднія теряются въ сылучихъ, жгучихъ и страшныхъ для всего живаго пескахъ, а эти въ свою очередь ведутъ непрерывную войну съ необъятными степями и многочисленными озерами, болотами и рѣками, гдѣ воды берутъ свое начало чуть не съ самой границы Китая, въ горныхъ массивахъ восточнаго Туркестана,—на берегу одной изъ большихъ азіатскихъ рѣкъ Сыръ-Дарьи, кочевало когда-то киргизское племя рода Ходжа, подъ тяжелымъ управленіемъ своего атакмара *), по имени Даулетъ-Кула. Управляя своимъ народомъ много лѣтъ, за это время онъ нажилъ большое богатство, которое у кочевниковъ заключается: въ верблюдахъ, лошадяхъ, баранахъ и многихъ юртахъ изъ бѣлой кошмы. Въ жены онъ себѣ набралъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ своего народа, столько, сколько полагалось по религіозному уставу магомѣтанъ, то есть семь женъ.

По характеру Даулетъ-Кулъ былъ скупъ, жаденъ и золъ, а поэтому въ захватъ себѣ всякаго добра отъ подчиненнаго народа былъ неумолимъ. Не имѣлъ онъ ни совѣсти, ни стыда, ни страха передъ высшимъ Богомъ и ханомъ и людьми. Жилъ такъ долго, лѣтъ восемьдесятъ, скопля все, что только видѣлъ его глазъ и слышали уши; если онъ слышалъ, что у такого-то киргиза есть новинка, которой у Даулетъ-Кула нѣтъ, то уже она должна

быть у него.

Въ соглядателяхъ и ишейкахъ у него недостатка не было. Судьбою ему во всемъ дѣлѣ и злыхъ намѣреніяхъ ни кого не было, такъ какъ въ то темное время киргизскіе ханы вели между собою частыя распри и войны и ни въ какія родовыя дѣла подчиненныхъ своихъ вассаловъ не вступали, а тѣмъ болѣе дѣла аульныя; каждый атакмаръ управляя своимъ народомъ, властвуя надъ подчиненными людьми отъ живота до смерти на правахъ того же хана орды, а послѣднему ежегодно въ праздникъ Разаманъ возилъ исправно установленную дань въ разныхъ цѣнностяхъ.

Въ подчиненіи Даулетъ-Кула былъ одинъ молодой киргизъ, по имени Насанъ. Сначала онъ жилъ въ бѣдной своей семьѣ, а по смерти отца ушелъ на чужую сторону и сдѣлался пастухомъ стада барановъ у одного честнаго киргизскаго муллы.

Долго Насанъ охранялъ стада своего патрона, лѣтъ двадцать, и за это время изъ мальчика выросъ въ возмужалаго джигита. За все время своего пастушества стада у муллы, Насанъ много прирастилъ барановъ и козъ, такъ что хозяинъ и счетъ потерялъ имъ. Никогда Насанъ не позволялъ себѣ утаить отъ своего хозяина приростъ животины, какъ это дѣлаютъ многіе изъ пастуховъ;—сами продадутъ молодаго или стараго барана или козла, а хозяину говорятъ: „пропалъ или волки съѣли“,—этого за Насаномъ не водилось.

Богатый и добродушный мулла, зная честную службу Насана разъ весною говоритъ ему:

— Насанъ, ты давно служишь у меня и я о тебѣ кромѣ хорошаго ничего дурнаго не знаю. Ты уже вышелъ изъ годовъ юноши, необходимо быть и самому хо-

*) Управитель народомъ.

зяиномъ. Знай, что Богъ такъ устроилъ міръ и жизнь людей, чтобы какъ люди, такъ и животныя и растенія не жили-бы безслѣдно на землѣ, а производили-бы такіе-же приплоды, какъ и сами. Въ этомъ заключается вся разумная жизнь. Даю тебѣ весь приплодъ въ эту весну отъ ста головъ разнаго скота, и все что уродится—будетъ твоя собственностью для новаго хозяйства. А ты по-заботься приискать по своему желанію и жену себѣ.

— О калымъ тебѣ тоже нечего беспокоиться, это дѣло будетъ мое, и я отдамъ все то, что по уговору за невѣсту положить ей родители.

Насанъ-бай выслушалъ добрую рѣчь муллы, поблагодарилъ его и принялся наводить справки о честныхъ и умныхъ дѣвушкахъ въ сосѣднихъ аулахъ.

Поиски Насана были недолги. Онъ слышалъ, что въ недалекомъ аулѣ Сарымсакъ, есть дочь у бѣднаго киргиза Ишь-Мурата, по имени Маджарумъ, не очень хорошенькая, но недурная, и потому только не нашла себѣ жениха, что дочь бѣднаго отца. И вотъ въ этотъ аулъ Насанъ и рѣшился съѣздить въ одинъ день къ вечеру, чтобы успѣть къ закату солнца попасть на колодець Сарымсакъ, такъ какъ въ это время во всѣхъ аулахъ киргизскія дѣвицы выходятъ за водой, гдѣ проводятъ время часъ—другой, обмѣниваясь со своими подругами разными новостями. И тутъ-то Насанъ надѣялся увидѣть намѣченную невѣсту, самымъ невиннымъ и секретнымъ манеромъ, попросивъ напоить лошадь.

Этотъ способъ у киргизъ примѣняется очень часто при смотринѣхъ избираемыхъ дѣвушекъ въ жены. А когда уже молодые люди познакомятся между собою и ежели къ ихъ сожителству

встрѣчаются въ чемъ либо препятствія, то женихъ тогда подговариваетъ нѣсколькихъ молодыхъ и увозятъ невѣсту тайкомъ. Но этотъ способъ сталъ выводиться, а болѣе уже идетъ сватовство и уговоры въ такихъ дѣлахъ выплаты выговореннаго выкупа, т. е. калыма. Уговоръ ведется съ обоихъ сторонъ стариками и скрѣпляется свидѣтельской пирушкой, на которую собирается весь аулъ. Сватовство, иногда, между киргизами завязывается очень рано—7—8-лѣтнихъ дѣтей женскаго пола уже связываютъ брачнымъ союзомъ; калымъ-же выплачивается въ такихъ случаяхъ до возврата невѣсты—женихомъ и его родными небольшими частями.

Въ избранный день Насанъ живо осѣдлалъ лошадь и поѣхалъ на смотрины будущей своей подруги жизни. По приѣздѣ на колодець аула Сарымсакъ, Маджарумъ ему приглянулась. Перемолвившись съ ней нѣсколькими словами и по возвращеніи въ домъ хозяина муллы, онъ заявилъ свой выборъ. Послѣдній сказалъ ему:

— И отлично ты дѣлаешь, что выборъ твой палъ на дочь бѣдныхъ родителей и я не замедлю послать къ нимъ вѣрнаго „яучи“ *) съ формальнымъ предложеніемъ. Тутъ-же мулла позвалъ къ себѣ одного киргиза, по имени Букелбая, который не замедлилъ прійти въ „мимъ-хану“ **) къ муллѣ, съ обычными привѣтствіями „салламъ - аликумъ“ ***), сѣли на кошму одинъ противъ другаго и повели разговоръ.

Мулла обратился къ гостю Буканбаю:

— Я имѣю до тебя очень важное дѣло; надѣюсь, что ты удовлетворишь его?

*) Посланникъ. **) Гостинная юрта.

***) Доброго здоровья.

— Многоуважаемый мулла, въ этомъ ты не можешь сомнѣваться. Буканбай тебѣ извѣстенъ до послѣдняго ногтя и все, что въ его умѣньи и силахъ,—онъ сдѣласть.

— Погому-то я и довѣряю тебѣ. Но слушай: завтра будетъ вторникъ, ты поѣзжай въ кечествѣ яучи въ ауль Сарымсакъ, въ домъ Ишь-Мурата, у котораго есть дочь Маджарумъ, устраивай дѣло по сватовству въ замужество за Насана. Упомани, что отъ меня, вотъ и халатъ Ишь-Мурату,—подай мулла новый абрасовый халатъ, лежавшій въ „керегахъ-юрты“ ****) посланцу.

— Понимаю, многоуважаемый мулла,—сказалъ Буканбай.

— Да желательно было-бы въ гятницу на этой недѣлѣ „туссертой“ *****) устроить!

— Итакъ съ Божьей помощію устраивай все, что я говорилъ,—сказалъ мулла.

Буканбай всталъ, сложилъ руки на животъ, какъ того требовалъ этикетъ киргизской вѣжливости и, пятясь, вышелъ изъ юрты муллы.

На другое утро Буканбай поѣхалъ „яучемъ“ къ Ишь-Мурату по порученному дѣлу, сватовства дочери Маджарумъ за Насана.

День выдался ясный и теплый; въ пути задержки не было.

Подъѣзжая къ юртѣ отца невесты, Буканбай по принятому обычаю привязалъ лошадь къ приколу около юрты и подойдя къ двери произнесъ обычную фразу: „Есть-ли кто въ домѣ изъ хозяевъ, я желаю говорить съ ними по дѣлу!“

На его зовъ отозвались жена и дочь Ишь-Мурата, а послѣдній былъ въ сосѣдяхъ.

Послѣ обычнаго привѣтствія и ****) Стѣнки караса.
*****) Форменный сговоръ.

пожеланія всѣмъ добраго здоровья, невеста вышла за отцомъ. По приходѣ послѣдняго Буканбай завелъ съ нимъ разговоръ о здоровьѣ, прибыли барановъ и всякаго добра, а потомъ перешелъ и къ порученному дѣлу.

Въ такихъ вопросахъ, какъ сватовство, среди киргизъ принято выражаться аллегорически, переводя дѣло на болѣе любящихъ амуры птицъ.

— У васъ есть голубка, а у меня кречетъ.

Ишь-Муратъ понялъ сначала о чемъ завязалась рѣчь и насторожился слушать.

— Въ чье гнѣздо надо голубку?—и узнавши отъ кого яучи пріѣхалъ, справился о здоровьѣ и дѣлахъ послѣдняго. Когда-же Буканбай вынулъ изъ „курсума“ *) абрасовый халатъ и передалъ его хозяину дома, то послѣдній обратился къ нему:

— Когда-же угодно высокимъ гостямъ пожаловать къ намъ?

— Многоуважаемый мулла ни въ чемъ недостатка не имѣетъ; его стада къ вашимъ услугамъ, и ему желательно было-бы въ слѣдующую пятницу прибыть на „туссертой“.

— Мы ждемъ дорогихъ гостей,—сказалъ Ишь-Муратъ, а затѣмъ предложилъ гостю закусить „бишмармакъ“ *) и зеленый чай съ кишмишомъ. И такъ какъ отецъ невесты изъ бѣдныхъ киргизъ, то отвѣтнаго халата не могъ дать яучи въ подарокъ, вмѣсто чего предложилъ одного барашка. По заключенію предварительнаго договора, посланецъ откланялся и уѣхалъ обратно съ вѣстями.

Въ назначенную пятницу мулла съ утра собралъ человѣкъ до де-

*) Перекидная сума черезъ сѣдло.

*) Бишмармакъ—кусочки баранины и сухая лепешка поджаренная на маслѣ,

сяти почетныхъ лицъ своего аула, нарядившихся въ новыя халаты, вмѣстѣ съ женихомъ, всей кавалькадой отправились въ аулъ Сарымсакъ. Въ послѣднемъ ихъ ожидали.

По пріѣздѣ въ аулъ, по обычаю, гости не должны ѣхать прямо въ домъ отца невесты, а остановились въ другихъ юртахъ у знакомыхъ киргизъ, а къ Ишъ-Мурату послали Букенбая извѣстить о своемъ пріѣздѣ.

Ишъ-Муратъ оповѣстилъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, разостлалъ кошмы и ковры около своей юрты, приготовивъ угощеніе изъ зеленого чая и лепешекъ, пригласилъ всѣхъ на „туссертой“. Въ то же время женщины готовили „шурпу“ и пиллау“ **).

Гости всѣ собрались, усѣлись кружкомъ на кошмѣ. Мулла обратился къ Ишъ-Мурату съ рѣчью отдать въ жены Насану дочь свою Маджарумъ. Ишъ-Муратъ изъяснилъ согласіе. Мулла прочелъ молитву изъ корана „баты“, затѣмъ стали условливаться о калымѣ.

Отецъ невесты не запрашивалъ излишка, а мулла какъ человѣкъ богатый стадами животины—накинулъ на бѣдность нѣсколько головъ сверхъ объявленнаго числа Ишъ-Муратомъ, дѣло скоро закончилось о калымѣ. Стали подавать угощенія: курдюжное сало и печенку, нарѣзанную кусочками; бишмармакъ, пловъ, шурпу и чай съ кишмишомъ.

Молодежь въ это-же время получивъ козла отъ Ишъ-Мурата, пустилась въ скачку „кокъ-бури“. Женщины угощались въ другой юртѣ туземными сластями: кишмишомъ, шепталою, фисташками съ миндалемъ и мѣстною халвою.

Этотъ „достарханъ“, т. е. сласти,

**) Супъ и пловъ.

привезены женихомъ для женской публики. Нашелся и музыкантъ на мѣстномъ инструментѣ „домбра“, родъ трехструнной скрипки — балалайки, на коемъ дѣйствуютъ и переборомъ пальцевъ и смычкомъ, импровизируя на этомъ пѣвучемъ инструментѣ туземныя припѣвы, подходящія обряду.

Цѣлыхъ два дня гости веселились на свадьбѣ Насана въ аулѣ Сарымсакъ, и на третій день веселье перешло въ аулъ муллы, гдѣ то-же не мало съѣли барановъ и другой снѣди. Наконецъ, спустя недѣлю послѣ той свадьбы, молодые переѣхали торжественно на разукрашенныхъ верблюдахъ коврами и нарядными сундуками въ аулъ муллы, гдѣ и установили новый свой домъ-юрту. Послѣ чего Насанъ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ муллы и къ нему прибавилось слово „бай“, т. е. хозяинъ,—и также управлялъ стадами своего довѣрителя и своими.

Года два Насанъ съ молодою женою жилъ въ аулѣ, и хозяйство его увеличилось многими головами барановъ и козъ, и не думалъ онъ куда-либо перекочевывать. Но жадный родоначальникъ Даулетъ-куль, узнавъ, что его Насанъ теперь не „байгушъ“*), т. е. нищій, а зажиточный бай, не замедлилъ послать къ нему джигита съ приказаніемъ переѣхать въ подчиненный аулъ, въ районъ своего рода. Въ случаѣ неисполненія, — угрожалъ насиліемъ, чему ни Насанъ-бай, ни мулла не могъ воспротивиться; да и мулла, по условіямъ родовыхъ началъ, нельзя было препятствовать переселенію, такъ какъ онъ былъ самъ другого рода киргизской орды, традиціи

*) Бѣдный или нищій.

коихъ охраняются и шаріатомъ и обычаями народа всей азіатской страны.

Собралъ Насанъ-бай свои благопріобрѣтенные пожитки, состоящіе изъ перевознаго дома-юрты—изъ деревяннаго легкаго каркаса „керегъ“, рѣшетчатаго остова войлока—внѣшней оболочки низа и верха и незатѣйливой домашней утвари кочевника: котла для варки пищи, нѣсколькихъ чугуновыхъ кунгановъ или мѣльныхъ, а также турсуковъ для кумыза, молока и воды, и двухъ-трехъ мѣшковъ изъ шерстяной матеріи подъ ячмень, муку, пшено изъ домашняго издѣлія; одѣяль и кошмъ для подстилки на полу юрты и нѣсколько сыромятныхъ кожъ съ съѣденныхъ барановъ, не успѣвшихъ сбыть скупщику; все это составляетъ незатѣйливое домашнее хозяйство и утварь номада.

Уложивъ весь скарбъ на двухъ верблюдовъ, посадилъ на верхъ выюка на переднемъ верблюдѣ жену и простившись самъ со всѣми жителями аула муллы, сѣлъ верхомъ на степную поджарую лошадку, выѣхалъ въ степь своей родины, гоня впереди своего немногочисленнаго каравана сотни полторы головъ барановъ и козъ.

Два дня ѣхалъ Насанъ-бай съ своею женою и пожитками по степи, изрѣдко останавливаясь на пути переѣзда на подножномъ кормѣ и водопой своего стада, для чего заѣзжая въ попутные аулы на отдыхъ и ночлегъ въ юртахъ кочевавшихъ родовъ разной орды, разсѣянныхъ по обширной степи, а къ третьему дню, подъ вечерокъ уже, добрался до своего роднаго аула, подъ управленіемъ атакмара Даулетъ-Кула.

II.

Киргизскіе ханы и атакмары, вслѣдствіе поддержанія престижа власти, хотя и кочуютъ на военномъ урочищѣ со своими подданными людьми, но ставки свои юрты, устраиваютъ немного вдали и на отдѣльно вырытыхъ собственныхъ колодцахъ, лично для своего довольствія и двора.

Какъ не простъ кочевникъ-номадъ, а бѣлую кость, то есть свое происхожденіе, не рѣшается еще смѣнивать съ черною народностію „бухары“ или „бишари“, т. е. крестьянъ, ни въ семейныхъ ни въ политическихъ или экономическихъ сдѣлкахъ. Теперь уже, съ утратой своего обоянія власти и вліянія на народы кочевыхъ окраинъ они начинаютъ сливаться не разбирая происхожденій со всѣми аборигенами: въ прежнее же время этого не допускалось между породою ханскою, бекскою и престонародной.

Насанъ-бай остановился у юрты своего однородца, и послѣ обычныхъ привѣтствій и распросовъ о всемъ, что во время его отсутствія произошло перемѣнъ въ ихъ родѣ, въ краткихъ словахъ и по совѣту своихъ бывшихъ одноаульниковъ, оставилъ свой поклонъ Даулетъ-Кулу до утра.

Киргизы народъ очень гостепріимный, а гостепріимство ихъ еще до сихъ поръ среди степи не можетъ сравняться съ осѣдлымъ жителемъ селеній и городовъ. Въ послѣднихъ уже господствуетъ духъ наживы и выгодной эксплуатаціи путника, а у кочевыхъ среди степи обоюдное привѣтствіе во время всякихъ бурь, непогодъ и невзгодъ въ непривѣтливой и грустной пустынь, гдѣ только обоюдной помощью и простотой жизнь возможна при трудныхъ неудобствахъ. Разъ пріѣхалъ къ нему въ аулъ путникъ, то уже проситъ ночлега

или пищи не придется и даже ухода за скотом. Вся эта обязанность въ силу установившихся вѣковыхъ традицій, дѣлается безсловесно и просто самимъ владельцемъ юрты или старшиною аула.

Хозяинъ юрты отдаетъ распоряженіе своимъ женамъ и дѣтямъ, приготовить пищу изъ запасовъ какія имѣются въ домѣ, а также накормить и напоить животину гостя.

Лошадь Насанъ-бая была привязана къ кормежкѣ съ торбою на шеѣ, жевала ячмень; верблюды и стадо было отдано подъ надзоръ мѣстнаго аульнаго пастуха до утра; и такъ какъ за позднимъ временемъ юрту не успѣли устроить, какъ слѣдуетъ, то временно изъ верха юрты устроили шалашъ и аулъ спокойно погрузился въ ночной сонъ.

Киргизы встаютъ очень рано, вмѣстѣ съ зарею и еще до солнечнаго восхода принимаются за обычное омовеніе, а затѣмъ за чаепитіе и за работу, если она есть у кочевника. Вмѣстѣ съ утреннимъ чаемъ киргизъ заправляется и пищею на цѣлый день до вечера; днемъ ѣдятъ только исключительно богачи или находящіеся въ дорогѣ, а остальное время дня большинство ничего не ѣстъ, исключая чая, и развѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ аулъ пріѣзжаетъ какой-либо гость, — тогда готовится шурпа или бишбармакъ, къ которому сходятся мужчины чуть не изъ каждой кибитки всего аула. Это тоже своего рода праздникъ для кочевника.

Днемъ мужчины, большею частью, если дѣла нѣтъ, спятъ или же ѣздятъ по степи съ соколами на охоту зайцевъ, лисицъ, хорьковъ и такъ далѣе за звѣремъ и дичью. Мѣстами въ аулахъ мужчины цѣ-

лые вечера просиживаютъ въ какой либо юртѣ, слушая рассказы какого-либо бывалаго собрата изъ народной жизни, или же поджавши подъ себя ноги усядутся вокругъ костра, слушая игру бандуриста на трехструнномъ инструментѣ до тѣхъ поръ, пока каждый не закуетъ носомъ на костеръ и молча уходитъ въ свою юрту спать.

Днемъ женщины и взрослые заняты домашними работами по хозяйству: доятъ овецъ, козъ, верблюдовъ, лошадей; кормятъ молодыхъ ягнятъ, стригутъ барановъ; дѣлаютъ сыръ, айранъ, масло или прядутъ и сучатъ шерстяныя нитки и бичеву; плетутъ тесьму для обвязки юртъ и на продажу; ткутъ грубое сукно, ковры и палацы; шьютъ мѣшки и сумы-куржумы; иногда артельной помощью валяютъ кошмы прямо на пескѣ или стригутъ барановъ.

Бѣлье кочевниковъ большей частью изъ русскихъ фабричныхъ издѣлій изъ тика, бязи и крупноцвѣтныхъ ситцевъ, а у болѣе бѣдныхъ изъ туземно-азиатскихъ грубобумажныхъ матерій изъ хлопка и шерсти. полъ именемъ „мата“, шириною отъ 4 до 7 вершковъ, на подобіе русскаго холста. Последнее, бѣлье, кочевникъ мѣняетъ не болѣе двухъ разъ въ годъ, т. е. имѣетъ только двѣ пары въ теченіи года. Новая надѣвается въ праздникъ большой Рамзанъ и уже больше не спускается съ плечъ. Богатые только ходятъ въ болѣе опрятномъ бѣльѣ и то лишь въ мѣсяцъ разъ смѣняютъ не болѣе.

Рано утромъ вновь пріѣзжій житель въ аулъ. Насанъ - бай. успѣлъ встать и устроить къ 10 часамъ дня юрту. Послѣ чего взялъ изъ своего стада хорошаго барана, поведя его къ поводу, отправился на поклонъ къ атакмару Даулетъ-Кулу;

Властелинъ встрѣтилъ новаго данника очень ласково, выйдя изъ юрты на земляную „суфе“, подъ единственнымъ деревомъ „сарыталъ“ *), которое такъ же старо, какъ и самъ Даулетъ-Куль.

Подъ кроною раскилистаго дерева цѣлое лѣто разостланы камышевыя плетенки, родъ цыновокъ, на которыя постлана кошма и старый коверъ мѣстнаго издѣлія. Мѣсто это бываетъ для всѣхъ официальныхъ и неофициальныхъ пріемовъ и совѣщаній киргизъ, кои имѣютъ дѣло до управителя.

Послѣ обычныхъ привѣтствій „селямъ-айликумъ“, и прижатія рукъ къ животу, хозяинъ и гость повели разговоры о житьѣ той и другой стороны, и о здоровьи родичей. Но такъ какъ у атакмара мужскаго пола не было, а только нѣсколько дочерей, то онъ пораспросилъ Насанъ - бая и о богачахъ того края откуда прибылъ новый житель, и между прочимъ высказалъ мысль: нельзя ли бы съ кѣмъ тамъ породниться.

Даулетъ-Куль во многомъ измѣнился за это время, да и Насанъ-бай въ глазахъ перваго тоже изъ мальчика вышелъ, какъ называютъ киргизы „якши джигитъ“ **). А завязка семьею подъ покровительствомъ уважаемаго муллы, давала и Насанъ - баю болѣе представительства и вѣса даже у жаднаго атакмара Даулетъ-Кула.

Жирный и здоровый баранъ приведенный въ даръ властелину очень размягчилъ его сердце и атакмаръ послѣ немногихъ разговоровъ стукнулъ въ ладоши, тотчасъ-же явился одинъ изъ маласкъ, т. е. служителей, которому и отдано приказаніе подать чай и малое угощеніе „дастарханъ“, т. е. лепешекъ, нѣсколько кусочковъ сахару и кишмишу.

Насанъ-бай былъ польщенъ въ свою очередь со стороны атакмара. Попивъ у него чая и посидѣвъ съ часъ, раскланялся и пошелъ въ свою юрту.

Понятно, въ аулѣ ожидали его прихода и обратились съ разспросами, какъ съ нимъ обошелся атакмаръ.

Затѣмъ потекла обычная жизнь въ аулѣ Даулетъ-Кула въ ожиданіи скорого поста „уразы и большаго байрама“, когда всѣ мусульмане день постятъ, а ночь пируютъ, сытно ѣдятъ и пьютъ кумысъ, айранъ, молоко и бузу. Последніе припазы истребляются въ уразу и старымъ и малымъ въ самомъ большомъ количествѣ въ теченіи тридцати ночей до новолуннаго дня и цѣлую недѣлю, день и ночь, при наступленіи праздника „майрамъ“ *).

Буза и кумызъ немного опьяняющіе напитки, въ особенности первый—буза, которая приготсвляется изъ особой породы проса и на манеръ закваски пива, замороженная на нѣкоторое время и разведенная кипяткомъ, пѣнится, вродѣ нашихъ старыхъ хлѣбныхъ квасовъ. Но только буза употребляется въ питье теплою, на подобіе пивныхъ дрожжей подъ опару хлѣбовъ или блиновъ. Нѣкоторые искусники въ приготовленіи бузы, будто-бы подкладываютъ въ нее небольшое количество опія или кукнуру, отъ чего буза становится крѣпче.

Напившись подобнаго рода охмѣляющихъ напитковъ, человекъ приходитъ въ такой-же куражъ, какъ будто-бы отъ вина и водки. Иные положительно лыка не вяжутъ послѣ выпитаго кувшина бузы, объемомъ бутылки съ полторы. Вмѣстѣ съ тѣмъ

*) Ветла.

**) Наѣздникъ.

*) Майрамъ и байрамъ одно и то же—день праздника.

она способствуетъ пищеваренію и полнѣтѣ тѣла немного пьющаго бузу, какъ и русскозаводское пиво.

Наступила ураза. За тридцатидневный постъ и ночное пированіе наголодавшійся народъ утомился, и подъ конецъ сталъ уже втихомолку не соблюдать поста и днемъ, съ нетерпѣніемъ стали ожидать новолунія, а съ нимъ и майрама.

Въ большихъ городахъ и селеніяхъ, есть особые люди, которые слѣдятъ когда появится луна на небосклонѣ, и первый кто увидитъ и дастъ объ этомъ знать старшимъ или начальнику осѣдлаго пункта, получаетъ въ подарокъ праздничный халатъ и барана, а иногда и жеребенка.

Насанъ - бай находясь много лѣтъ пастухомъ у муллы, уже такъ привыкъ къ переменамъ лунныхъ фазъ, что впередъ зналъ когда и на какомъ мѣстѣ небосклона покажется серпъ новолунія. Въ этотъ день подъ вечеромъ онъ сидѣлъ подъ открытымъ краемъ кошмы юрты и наблюдалъ появленія луны на западѣ.

Пришло время и луна показала свои серебристые рога. Замѣтивъ ее Насанъ-бай далъ знать всему аулу, и старшины отрядили отъ себя представителей и пару барановъ, послали съ объявленіемъ Насана къ атакмару.

Насанъ-бай, какъ первый увидавшій луну получилъ въ подарокъ абрасовый халатъ и всѣ были угощены большимъ достарханомъ и кумысомъ. Праздникъ былъ открытъ въ аулѣ официально, послѣ чего жители стали устраивать дневныя угощенія и скачки „кокь-бури“, въ коихъ принималъ участіе и Насанъ-бай, на своемъ тонконогомъ и горбоносомъ степномъ бѣгунѣ.

Какъ новичку поселянину, въ

аулѣ своихъ родичей отца и матери, Насанъ - бай необходимо было въ праздникъ израсходовать-ся на трехъ барановъ и одного козла для джигитовъ на „кокь-бури“.

Аулъ родичей Насанъ-бая во время праздника вызвалъ на состязаніе въ наѣздничествѣ и соединіе аулы, а также и аулы другихъ киргизскихъ родовъ степи, управляемыхъ другими ханами и атакмарами.

Орда атакмара Даулетъ - Кула считала въ себѣ до 700 киби-токъ, а по этому раіонъ атакмарства былъ величиною въ пространствѣ занимаемомъ аулами Даулетъ-Кула вереть на тридцать въ квадратъ.

Кочевникъ, сидя постоянно верхомъ на лошади, не привыкъ считать версты, а ведетъ счетъ на „таши“. Каждый ташъ имѣетъ въ себѣ отъ 8 до 10 и даже до 12 верстъ разстоянія. Онъ знаетъ, что въ теченіи дня верхомъ можно сдѣлать восемь „ташъ“, полагая въ каждомъ по 8 верстъ ровно 64 версты въ день. Это у него считается обычнымъ переѣздомъ хотя-бы за шестьдесятъ четыре версты съѣздить въ гости, поѣсть баранины, или плова или поскакать въ „кокь-бури“.

„Ташъ“ ничто иное, какъ камень, которымъ отмѣчаются въ горныхъ мѣстахъ междупроѣздыя разстоянія. Напримѣръ: сопка отъ сопки, пикъ отъ пика, ущелье отъ ущелья и такъ далѣе, и это разстояніе вошло въ обычное названіе мѣры „ташъ“, но точности не имѣющей; а такъ какъ въ степи горъ не имѣется, то за таши взяты, приблизительно къ этой примѣрной мѣрѣ, разстояніе между колодцами и сопками если таковыя имѣются и другіе естественные признаки.

Само собою разумѣется, киргизы, разъѣзжая во время праздника на „кокь-бури“ по всѣмъ ауламъ и родамъ степи, куда только въ состояніи занести степной конь, не обошлись въ азартномъ состояніи наѣздничества безъ дракъ, увѣчій и убійствъ. Изъ-за послѣднихъ, какъ извѣстно, у азіатовъ начинается тяжба „о кунѣ“ *), т. е. о денежной платѣ, за убитаго. И въ случаѣ не соглашенія оканчивается споръ поголовной войною одного рода на другой.

Въ одну изъ бѣшеныхъ скачекъ „кокь-бури“ за наѣзникомъ изъ партіи атакмара Даулетъ-Кула, увезшаго козла, противникъ при настиженіи былъ въ азартѣ раненъ въ голову здсровой, переплетенной проволокою, „камчесю“ — плетью.

Джигитъ, получившій ударъ въ голову, въ тотъ же день умеръ на полѣ „кокь-бури“.

Совершившійся фактъ былъ переданъ на судъ старшимъ потерпѣвшей сторонѣ рода, которые постановили: истребовать „кунѣ“ съ рода Ходжа, атакмара Даулетъ-Кула, за смерть своего „джигита“, тысячу барановъ, триста верблюдовъ и сто „тиллерей“ **) золота, всего на сумму тысячъ десять рублей на русскіе деньги.

Узнавши о подобномъ рѣшеніи атакмаръ Даулетъ - Кулъ и его люди созвали совѣтъ, и постановили въ свою очередь не выплачивать такого дорогого „куна“, а если притязатели не помирятся на $\frac{1}{3}$ запрашиваемого „куна“, то рѣшить споръ оружіемъ; такъ какъ „кунѣ“ несомнѣнно съ установившимися обычаями и прежними платежами за такіе-же случаи.

Джигитъ, убитый въ „кокь-бури“ былъ не изъ богатаго рода; иное дѣло если-бы онъ былъ сынъ бая, или старшины или судьи и т. д.; однимъ словомъ изъ привилегированнаго сословія, „а то изъ бишары“, говорили старики рода Ходжи. Нѣтъ за такой кунѣ полсотни джигитовъ окупится! Лучше „урушы!“

— Воевать такъ воевать, — отвѣчала молодежь рода Ходжи. Если одинъ несчастный случай вышелъ на „кокь-бури“ и они не хотятъ мириться, то пусть сотня изъ нихъ погибнетъ и куна не получатъ!

Объ этомъ отказѣ узнала претендующая сторона и просила на помощь сосѣднія бекетва и атакмарства большаго ханства, противъ рода Ходжи, помочь о восстановленіи правъ на кунѣ за погибшаго джигита.

III.

Кочевые киргизы вообще народъ неспокойный, изъ-за мелочей, иногда выходятъ серьезныя распри. Сосѣднимъ ордынцамъ подобное несоглашеніе очень важно было имѣть, именно въ томъ случаѣ, чтобъ за счетъ другихъ можно было побарантовать въ степи барановъ, лошадей и верблюдовъ. Пока Даулетъ-Кулъ велъ переговоры о „кунѣ“, въ степи уже организовались партіи съ оружіемъ изъ другихъ родовъ, и подъ шумокъ барантовали скотъ въ атакмарствѣ рода Ходжа. Тысячи три собралось такихъ барантачей и наводили ужасы на всю кочевую степь.

И вотъ въ одну изъ темныхъ ночей въ аулѣ рода Ходжа, гдѣ жилъ Насанъ-бай, была произведена тревога. Пріѣхалъ джигитъ и сильнымъ крикомъ „айдоть, урушбашы!“ *) разбудилъ весь аулъ. Вставшіе съ просонья

*) Карауль! Воры, душегубы.

*) Кунѣ — выкупъ.

**) Тиллеръ равенъ 4 рублемъ.

кочевники узнали, что сосѣдній аулъ разграбленъ, и скоть и имущество увезено барантачами. Вопль, крикъ и шумъ женщинъ и дѣтей поднялся невообразимый въ аулъ. Наступило утро, аулъ остался цѣль, барантаци уже скрылись. Въ такихъ набѣгахъ угнанный скоть и имущество стараются угнать и увезти какъ можно далѣе въ степь, или скрыть въ горы.

Первая баранта обошлась безъ человѣческихъ жертвъ съ той и другой стороны, еще люди не такъ были обозлены, озвѣрены, а дальше необходимо было ожидать и кровопролитія, такъ какъ всѣ аулы насторожились и каждую ночь образовывали дѣйствующие пикеты и партіи на охрану атакмарства.

Слѣдовательно жители Даулетъ-Кула понесли матеріальный ущербъ; и за виновность всего рода, пришлось отвѣтить только своимъ имуществомъ двумъ-тремъ ауламъ; тогда какъ при уговорномъ кунѣ каждая кибитка платитъ по раскладкѣ приходящуюся часть куна на весь родъ.

Неудача въ защитѣ имущества въ интересахъ жителей атакмарства, отразилась на Даулетъ-Кулѣ. Возбужденіе росло и образовалась партія противъ правителя, котораго захотѣли смѣстить или же отъ него отложиться массою и искать защиты у болѣе сильнаго рода. Къ послѣдней партіи примкнулъ и Насанъ-бай.

Около четырехсотъ кибитокъ собрались сняться съ кочевокъ атакмарства, и избрали себѣ миньбашу *), эссаула **), для партіи военной охраны движенія перекочевниковъ, подъ управленіемъ коихъ направили путь къ сторонѣ прежняго жилища Насанъ-

бая, ближе къ берегамъ рѣки Сыръ-Дарьи и горамъ.

Общимъ постановленіемъ старшинъ, вновь образовавшагося степнаго перекочевническаго табора, въ эссаулы военного отряда, то есть челоуѣкъ двѣсти джигитовъ, былъ избранъ Насанъ-бай, на коего и возложили караульно-сторожевую службу во время переѣзда каравана и стоянки на колодцахъ.

Даулетъ-Кулъ узналъ объ образовавшейся противъ его партіи подъ управленіемъ миньбаша Аманъ-бая, но атакмаръ былъ безсиленъ воспрепятствовать откочеванію своихъ подданныхъ; такъ какъ въ этой партіи всѣ были люди уважаемые и богатые, старшины и „казіи“ *), а надѣяться на молодежь своихъ „малаекъ“ **), нечего. Онъ полагалъ найти помощь у сосѣдей, кои еще были съ нимъ связаны разными дружелюбными обязательствами. Но тѣ, узнавъ, что отъ него отказывается большая часть народа, да еще и у самихъ завязалось много распрей и барантъ, отказали ему въ помощи. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространился слухъ, что всѣ дальнія стада атакмара были угнаны барантачами. И остался атакмаръ Даулетъ-Кулъ съ одними своими женами, нѣсколькими ма-айками и съ десяткомъ лошадей.

Наконецъ, атакмаръ рѣшился на послѣднія средства и обратился къ одному изъ степныхъ разбойниковъ, живущаго грабежомъ каравановъ проходящихъ по степнымъ дорогамъ, нѣкому Батыр-баю, уговаривая этого батыря съ своими людьми пограбить возмущившихся противъ его господства, подстеречь непослушныхъ въ одномъ пустынно-безводномъ

*) Тысячначальникъ.

**) Эссаулъ помощникъ и начальникъ отряда войскъ.

*) Судьи.

**) Слуги.

мѣстѣ, на той дорогѣ, куда они хотятъ направить перекочеваніе.

— Если не совсѣмъ задержимъ „гауровъ“, то отнимемъ у нихъ скотъ и имущество, уговаривалъ Даулетъ-Куль степного шакала разбойника Батырбая.

— Я рѣшусь дѣйствовать за одно съ вами, таксырь^{*)}, если вы согласитесь двѣ трети отнятаго имущества у народа, подъ начальствомъ Аманъ-бая, отдать мнѣ и моимъ людямъ?—поставилъ вопросъ атакмару разбойникъ.

Даулетъ-Куль подумалъ немного и, какъ утопающій хватается за послѣднее спасеніе—плывущую соломинку, такъ и онъ рѣшился на сдѣлку съ разбойникомъ Батырбаемъ.

— Я согласенъ дать двѣ трети ихняго имущества,—сказалъ Даулетъ-Куль.

Сговорившись, такимъ образомъ, рѣшились человѣкъ полсотни стеречь проходъ партіи Аманъ-бая по степи. Это не ускользнуло отъ наблюдательности минбаши и эссаула Насанъ-бая; къ послѣднимъ пріѣхалъ со стороны атакмара джигитъ Даулетъ-Кула перебѣжчикъ, который и далъ знать объ условіяхъ союзниковъ противъ вновь организованнаго общества.

Перекочевники общемою массою тронулись съ насиженныхъ колодцевъ на новыя мѣста, принимая всѣ предосторожности въ пути отъ набѣга шайки, подговоренной атакмаромъ.

Человѣкъ пятьдесятъ хорошо вооруженныхъ „атаганами“ и „мултуками“, батиками, луками и бердышами, въ видѣ топориковъ, ѣхали впереди каравана, изрѣдка разѣзжая всреты на три впередъ и въ стороны для обозрѣнія мѣстности вдоль дороги;

*) Таксырь—господинъ.

небольшими партіями разсыпались по бокамъ и въ арьергардѣ, и человѣкъ сто замыкали неспѣшное шествіе верблюдовъ и стада барановъ.

Всѣ люди были сильные и болѣе или менѣе вооружены включительно до подростковъ и женщинъ.

Первая остановка послѣ дневного перехода обошлась благополучно.

Но утромъ на зарѣ изъ каравана люди замѣтили человѣкъ пять верховыхъ всадниковъ, показавшихся съ праваго крыла, кои увидавъ вставшихъ людей каравана, помчались отъ послѣдняго обратно въ степь. Это было замѣчено со стороны „караванъ-баша“, который и распорядился послать въ погоню нѣсколько человѣкъ джигитовъ и Насанъ-бая.

Эссауль и его люди бросились въ догонку за показавшимися людьми въ степи; отъ послѣднихъ отдѣлился одинъ и махалъ шапкою Насанъ-баю давая знать, что онъ изъ мирныхъ и хочетъ говорить о дѣлѣ. А когда съѣхались вмѣстѣ, то въ пяти людяхъ Насанъ-бай узналъ Назаръ-бая, одного изъ родичей ауловъ другихъ старшинствъ, кои остались въ партіи Даулетъ-Кула.

Послѣ нѣсколькихъ словъ всѣ поѣхали къ каравану и въ собраніи старшинъ передалъ Назаръ-бай, что не стоитъ откочевывать въ другое мѣсто, а необходимо остаться здѣсь и дать разбойнику Батырбеку съ атакмаромъ битву, которой и рѣшить судьбу народа.

— Меня послали съ четырьмя человѣками настичъ васъ, и изъяснить согласіе остальныхъ старшинствъ дѣйствовать за одно съ вами, противъ атакмара Даулетъ-Кула, и что они признаютъ Аманъ-бая своимъ главою, и готовы

дать ему людей челоѣкъ пятьдесятъ на войну съ атакмаромъ и его сообщникомъ Батырбекомъ. говорилъ Назаръ-бай.

Старшины каравана съ Насанъ-баемъ согласились на его предложеніе, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Назаръ-бай тутъ-же послалъ своихъ людей къ остальнымъ старшинамъ съ извѣстіемъ и съ требованіемъ обѣщаннаго числа джигитовъ на дѣло противъ Даулетъ-Кула и его слугъ.

Назаръ-бай былъ предупрежденъ объ этомъ прежде, отвѣчалъ, что старшины не знаютъ гдѣ находится Даулетъ-Куль съ Батырбекомъ, а что касается высылки людей въ партіи минъ-баши и Аманъ-бая, то онъ сейчасъ-же разошлетъ своихъ людей къ старшинамъ въ аулы за джигитами.

Аманъ-баю, старшинамъ и Насанъ-баю только этого и надо было.

Повѣренный отъ оставшихся старшинъ разослалъ своихъ джигитовъ въ разные аулы, и къ вечеру прибыло челоѣкъ пятнадцать вооруженныхъ людей на усиленіе партіи Насанъ-бая.

Въ виду мирнаго и обоюднаго соглашенія всего общества рода Ходжа, противъ стараго атакмара, караванъ на первомъ-же ночлегѣ сталъ дожидаться прибытія остальныхъ джигитовъ для военнаго дѣйствія, и къ вечеру другаго дня всѣ люди, даже болѣе чѣмъ пятьдесятъ, обѣщанныхъ джигитовъ, съѣхались къ минъ-баши Аманъ-баю и каравану, какъ условлено съ Назаръ-баемъ.

Послѣ этого Аманъ-бай былъ объявленъ главою всего рода Ходжа, подъ названіемъ минъ-баши.

Общимъ совѣтомъ рѣшили: самыхъ лучшихъ джигитовъ съ хорошимъ вооруженіемъ послать на поиски атакмара и его со-

общниковъ, и если его невозможно будетъ взять въ плѣнъ или убить, то стараться угнать далѣе въ степь и лишить, по возможности, имущества.

Партія отборныхъ джигитовъ захвативъ съ собою недѣльные запасы лепешекъ и ячменя, отъѣхала отъ каравана для розысковъ атакмара Даулетъ-Кула и его сообщника, коего и нашли въ полуторадневномъ разстояніи пути отъ каравана.

Насанъ-бай дружнымъ натискомъ на лагерь Батырбека засталъ Даулетъ-Кула врасплохъ и разбилъ ее на голову. Челоѣкъ тридцать разбойниковъ было убито, въ числѣ коихъ и Батырбекъ, а Даулетъ-Куль при первомъ-же натискѣ большаго числа непріятеля, хватилъ большую дозу опія, отъ которой тутъ-же умеръ, не вынеся послѣдняго удара судьбы по смѣщенію его съ многолѣтняго атакмарства.

Оставшіеся разбойники разѣхались въ разные стороны своихъ родовъ, а общество кочевниковъ рода Ходжа возвратилось на свои колодцы, и зажило мирною жизнью по разводу скотоводства, подъ управленіемъ минъ-баши Аманъ-бая, отдавая изрѣдка дань ханскимъ яучамъ и сборщикамъ податей; но и отъ послѣднихъ имъ не легко жилось, потому именно, что внутреннія раздоры не прекращались, а ханскіе люди ихъ не защищали отъ враговъ. Велѣдствіе чего родъ Ходжа перекочевалъ ближе къ Уралу и попросилъ подданства бѣлаго Царя Россіи, который ихъ благосклонно принялъ подъ свое покровительство.

Съ тѣхъ поръ народъ этотъ смѣшался съ другими обрусѣлыми родами приуральскихъ киргизъ и живетъ богато скотоводствомъ и земледѣльчествомъ до сихъ поръ.